

Вынужденные вертеться (III) используют непривычные для них средства для поддержания наличного, или сниженного, статуса («понижающая адаптация»).

Считающие, что для них ничего особенного не изменилось (II), находят определенную нишу, из которой про-исходящие перемены не видны или кажутся мало-значительными («изолирующая адаптация»).

Наконец, неприспособляемые — те, кто определяют свое положение в терминах «не могу приспособиться» (I). Это люди, вынужденные предельно снижать уровень собственных запросов и статусных притязаний и крайне негативно оценивающие такое снижение («разрушающая адаптация»).

Следует подчеркнуть, что ни один из выделенных (с какой-то долей условности) адаптивных типов не совпадает полностью с какой-либо из рассматривавшихся в статье групп — «типичными» можно считать только наиболее устойчивые и консистентные по своим признакам «центры», или «ядра», таких групп.

Ни один из вариантов адаптивного поведения в наличных социально исторических условиях не может быть устойчивым. В опросных данных это обычно выражается как ощущение неуверенности в будущем; такая черта свойственна носителям как «новых», так и «старых» типов поведения.

Леонид ГОРДОН

Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения¹

При обсуждении становления демократии и рыночной экономики в России основное внимание обычно уделяется критике несовершенства наших современных политических порядков сравнительно с тем, что, по мнению рассуждающего, должно иметь место в настоящей («идеальной») демократической системе и/или что фактически характерно для стран, где такая система утвердилась давно и достигла зрелого уровня. В центре дискуссии, естественно, оказываются наши отличия от действительной демократии, ошибки или злой умысел возглавителей реформ, предложения касательно преодоления нынешних пороков. Несмотря на несомненную важность подобных подходов, мне кажется, что их нужно дополнить попыткой уяснить реальную область возможного в процессах вызревания демократии, перехода от недемократии к демократии. По моему убеждению, критика и оценка субъективных действий и отдельных политиков, и групп, и народных масс в целом имеют смысл лишь в соотношении возможного и невозможного в рамках русла объективно задаваемых параметров естественно-исторического потока.

Судя по историческому опыту прошлого и общей логике истории (насколько она доступна человеческому разуму в отношении только начинающих перемен), любые переходы к демократии — будь то движение к ней от феодального строя, как в Западной Европе XVII-XIX вв., или от государственного социализма, как в современной Восточной Европе и России, — объективно и неизбежно связаны с глубоким переходным кризисом устоев привычного социального порядка, с потрясением

и преобразованием устоев повседневной жизни, падением жизненного уровня, колебанием нравственных традиций, привычек, установок. В этом смысле преобразование госсocialизма в рыночное и демократическое общество, по выражению Р. Дарендорфа, использовавшего метафору псалмопевца, всегда есть движение, первоначально идущее «через долину плача»², и лишь затем, добавлю от себя, дающее надежду (и только надежду, не гарантию) попасть в обетованную землю демократии.

Далее. Факты прошлого и общетеоретические соображения подводят к выводу о долговременности периода становления демократии, о том, что «времена и сроки» такого становления измеряются многими десятилетиями, если не веками. При подобной длительности и — главное — сложности переход к демократии приобретает постепенно-стадиальный, приливно-отливный характер. Соответственно, критика наличных порядков в каждый данный момент рыночно-демократических преобразований должна вестись с учетом не только конечного идеала, но и ступени перехода, достигнутой им стадии, и тех «типичных» норм демократии, которые характерны для данного периода. Не исключено, что сегодняшние политические нравы в России правильнее сопоставлять не с современной Европой или Америкой, но с Англией, Францией, США времен Ч. Диккенса, О. Бальзака, М. Твена.

Развертывание социальных изменений в генерационном времени. Конкретно, сложность и длительность формирования рынка и демократии в постсоциалистических обществах, России прежде всего, обуславливаются тем, что эти процессы достигают зрелого уровня, так сказать, выходят на поверхность общественной жизни, становятся реальными лишь тогда, когда новые порядки и социально-политические институты принимаются как элитами, так и народным большинством или хотя бы его активной частью. Иными словами, реальная демократизация происходит по мере освоения элитами и народным большинством демократических ценностей, установок, культурно-идеологических и социальных норм.

Но формирование культурных и социально-психологических основ демократии в человеческом сознании (а освоение соответствующих ценностей как раз и есть подобное формирование) в подавляющем большинстве случаев происходит один раз на протяжении жизни — в детстве и молодости, на стадии базовой социализации. Именно тогда складываются обновленные представления о должном и правильном, пересматриваются традиции и нормативы поведения, упрочиваются новые привычки. Коренное изменение структуры глубинных, базовых ценностей в зрелом и пожилом возрасте случается, скорее, в качестве исключения, а не правила.

Разумеется, в столетиями миллионном населении нашей страны исключения иногда считаются на миллионы. Да и некоторые политические убеждения, рациональная оценка конкретных политических установлений (скажем, многопартийной системы или свободы печати) могут меняться без коренных перемен в структуре личности, а потому и после периода базовой социализации. Такие изменения касаются уже десятков миллионов людей. Однако устойчивые перемены в социально-политическом сознании, принятие новых норм и институтов, именно как системы, обычно происходит от поколения к поколению.

¹ Автор признателен Российскому фонду фундаментальных исследований, обеспечившему финансирование разработок по теме статьи (проект РФФИ №99-06-80009).

² Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 104.

Соответственно всеохватывающие преобразования политических институтов, даже в эпоху революций и революционных трансформаций (подобных той, что переживает сейчас наша страна), протекают, так сказать, в поколенческом, генерационном времени. Первичной единицей его масштаба являются не годы, но периоды жизни поколений, кратные десятилетиям, а рубежи времен обозначаются не точными датами, но более или менее широкими временными полосами.

В России необходимость учитывать именно такой, поколенческий диапазон времени, нужного для того, чтобы народное большинство смогло освоить рыночно-демократические ценности и принять основанные на них политические институты, ощущается, пожалуй, острее, чем в других странах, выходящих из госсотциализма. У нас массовое сознание, воспитанное в течение семи десятилетий господства государственного социализма (время активной жизни трех поколений), в том числе устоявшаяся за это время привычка к обслуживающим его институтам и едва ли не всеобщие ощущения их «нормальности», «правильности», были особенно прочными. Между тем, во многих других бывших соцстранах внедрение в массовое сознание ценностей госсотциализма продолжалось 40-45 лет — период активности двух поколений. Разница в итоге оказалась качественной.

Дело тут в том, что происходящая ныне в России и других посткоммунистических обществах смена ценностей и институтов в определенной части базируется на восстановлении норм, ценностей, традиций, распространенных в досотциалистические времена. В особенности это относится к представлениям о праве, суде, частной собственности (а кое в чем — и о роли представительной власти, свободы слова и т.д.). И чем легче восстанавливается связь с этими представлениями, тем быстрее происходит рыночно-демократическое развитие. «Дополнительное» поколение разрыва традиций становится в данном отношении очень сильно действующим фактором.

Обычно в составе населения при современной продолжительности жизни в каждый данный момент соседствуют три взрослые поколенческие когорты: отцы, их дети, их внуки. Ограничение госсотциалистического периода четырьмя десятилетиями, или двумя поколениями, означает, что ко времени начала послекоммунистической демократизации в обществе еще живет множество людей, сформировавшихся в мире норм и институтов, основанных на частной собственности и современном («буржуазном», по выражению В. И. Ленина) праве и правосознании.

Именно такой была ситуация в странах Восточной и Центральной Европы на рубеже 80-90-х годов, когда там развернулись демократические преобразования. Там не менее 10-20% населения составляли люди, родившиеся до середины 20-х годов, т.е. те, кому к началу коммунистического господства было больше 25 лет. Несотциалистические нормы, ценности, институты были для них вовсе не легендой или информацией из другого, «закордонного» мира. Присутствие миллионов подобных людей сохраняет связь времен, помогает остальным успешнее создавать новые институты и нормы, легче осваивать их.

Иной оказалась к этому моменту социально-демографическая обстановка в нашей стране. Тех, кто вырос до революции (т.е. родился до 1900 г.) — в условиях, когда были хотя бы относительно широко распространены устои частной собственности, гражданско-правовые и (эти, правда, совсем уж в зачаточной форме) демократические ценности — в начале 90-х годов оставалось ничтожно мало. Практически никто не мог собст-

венным житейским опытом помочь в восстановлении созвучных сегодняшним устремлениям норм и ценностей того далекого времени. Естественно, что образование и в особенности освоение новых гражданско-политических институтов идет у нас медленнее и труднее, чем в некоторых других посткоммунистических странах³.

Не стоит преувеличивать значение этого негативного фактора. В конце концов, высокая образованность населения России, опыт иных стран в сочетании с информационным потенциалом конца XX в., общий динамизм современной жизни создают несравненно более благоприятные условия для восприятия рыночно-демократических ценностей, нежели те, что характерны для XIX — начала XX вв. Поэтому время формирования демократических порядков и принятия их народным большинством в постсоветской России вряд ли будет сопоставимо с жизнью 8-10 поколений, как то было на Западе. И тем не менее, даже в самом лучшем случае для этого потребуются время смены одного-двух поколений, т.е. не меньше 20-30, а может быть и 50 лет, если не больше. Думать о существенно более коротких сроках завершения демократизации и, так сказать, «полном запуске» в жизнь демократии — значит предаваться сентиментально-утопическим мечтаниям.

В свете представления о генерационных масштабах периода политической институционализации реальные темпы этого процесса в нашей стране не дают оснований для чрезмерного пессимизма. Споры нет, большинство общества еще не ощущает современную жизнь как «правильную», нормальную, справедливую. В репрезентативных всероссийских опросах, проводимых ВЦИОМ в 90-е годы (ошибка выборки в них составляет +/- 2-3%), обычно от половины до двух третей взрослого населения утверждают, что их полностью или по большей части не устраивает нынешняя жизнь, и лишь меньшинство склоняется к более оптимистичным ответам. В частности, в середине 1999 г. те и другие ответы соотносились в большинстве случаев примерно как 55% и 40-45%; среди последних 5-10% респондентов жизнь в общем устраивает, а 30-35% — отчасти устраивает, отчасти нет. Еще показательнее согласие почти половины опрошенных с тем, что лучше бы все оставалось, как было до 1985 г. Конкретно в опросах 1995 и 1999 гг. за доперестроечные порядки высказались около 45-55%, против примерно 28-30% респондентов, а остальные не имели твердого мнения⁴.

Однако столь же важно и то, что почти треть взрослого населения уже принимает новые порядки, новые институты, новые ценности, предпочитает их прежним. Для преобразований, соизмеряемых с жизнью поколений, такая доля приверженцев рынка и демократии всего лишь через 10 лет после начала движения к ним выглядит скорее обнадеживающим фактом. Тем более что отдельные политические институты рыночно-демократического типа уже встречают поддержку относительного большинства населения. В частности, около половины опрошенных считают, что свобода предпринимательства, свобода слова и печати, свобода выезда за границу приносят обществу гораздо больше пользы, чем вреда, тогда как больше вреда видит в них лишь пятая часть или четверть опрошенных.

3 Гордон Л. Положение наемных работников в России 90-х годов. М.: ИМЭМО РАН, 1997. С. 18-19.

4 Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 83; Там же. 1999. № 4. С. 53, 73, 95.

Еще важнее, что в сентябре 1995 г. 55% опрошенных высказались против предложений отложить выборы в Государственную Думу. А в январе 1996 г. против аналогичного предложения касательно президентских выборов было вообще 72% респондентов⁵. Иначе говоря, институт выборов уже получил признание народного большинства.

Впрочем, в долговременной перспективе самым существенным является не то, что некоторые новые институты и ценности уже одобряются большинством. Решающее значение — с учетом поколенческого характера институциональных перемен — имеет принятие всей системы новых политических институтов и порядков (или, по крайней мере, ядра этой системы) большинством молодежи. В данном отношении ее настроения решительно отличаются от установок, преобладающих среди людей старших поколений.

Так, нынешняя жизнь полностью, по большей части, или отдельными своими сторонами устраивает свыше половины людей моложе 30 лет — 56% опрошенных ВЦИОМ в начале 1999 г. против 42%, которых эта жизнь не устраивает (тогда как среди тех, кому больше 30 лет, соответствующие показатели равны 30-31 и 67-68%). Соглашались с тем, что было бы лучше, если бы вообще все оставалось, как было до 1985 г., только 28% молодежи, в то время как среди респондентов среднего возраста такого мнения придерживаются 43%, а среди пожилых — 61%. Напротив, не согласны с полным отказом от преобразований 80-90-х годов 40% молодых, 31% людей среднего возраста и 20% пожилых⁶.

Судя по этим и другим аналогичным данным, времени активной общественной и трудовой жизни одного-двух поколений окажется, скорее всего, достаточно для складывания в нашей стране системы рыночно-демократических институтов, их закрепления в массовом сознании и их активной поддержки большинством народа. Но будем помнить, что и в этом случае период, в течение которого слои населения, ощущающие и оценивающие новые политические институты как законные, естественные, «нормальные», станут большинством народа, охватит не одно десятилетие. Тем более, что история не обещает плавного хода, и потому простая экстраполяция нынешних темпов далеко не всегда дает успешный прогноз.

И все это время демократизация останется незавершенной, так что страна окажется вынужденной жить в условиях, когда отношение значительной, а то и преобладающей части населения к формирующимся политическим институтам будет неодобрительным, отчужденным и почти всегда неустойчивым, колеблющимся. В этом — одна из главных опасностей переходного времени, грозящая тем, что общество, как это уже случилось в начале XX в., не выдержит тягот модернизации, и социальный взрыв или анархическая аномия еще раз сорвут демократизацию России.

К демократии через полудемократию-полуавторитаризм. Рассмотрение нынешней трансформации в социально-историческом контексте позволяет также прийти к выводу о неизбежно волнообразном характере становления демократии. Принятие новых ценностей массовым сознанием и, соответственно, утверждение, укоренение новых политических институтов почти никогда (особенно в эпохи бурных, всеохватывающих преобразований) не

идет линейно, однонаправленно. Обычно этот процесс складывается из череды приливов и отливов, когда стремительные прорывы сменяются последующими откатами, накоплением сил, новым продвижением вперед и т.д.

В начале революций и революционных трансформаций вера в быструю достижимость идеала получает широчайшее распространение. Стремление сразу же осуществить то, что может быть достигнуто лишь в ходе долгого развития (или вообще не осуществимо), составляет типичное свойство таких периодов. В это время радикально продвинуться вперед удается лишь в том случае, если делаются попытки выйти за пределы исторически возможного и даже уйти еще дальше. Затем, однако, подобные попытки становятся одним из факторов хаоса и обострения конфликтов, которые на средних этапах революции сменяют всеобщее единство и оптимизм ее начала. Со временем бедствия неизбежной в таких условиях разрухи подводят общество к пониманию того, что попытки немедленно осуществить идеал оборачиваются распадом социума. И тогда наступает завершающая стадия революционной трансформации — стадия стабилизации, восстановления «нормы», но уже на принципиально новой основе.

События, разворачивающиеся в нашей стране на протяжении последнего десятилетия, вполне укладываются в данную схему. В конце 80-х годов экономические реформы не только не были завершены, но, по существу, к ним еще и не приступали. Однако именно в это время Россия по стечению исторических обстоятельств приступила к политическим преобразованиям. Провозглашение гласности и свободы партий закономерно вылилось в попытку быстрого достижения полной демократии. Без подобной, «забегавшей вперед» устремленности к демократическому идеалу сокрушение государственного социализма в конкретных российских условиях конца 80-х — начала 90-х годов вряд ли было бы осуществимо.

Если верить (как убежден автор), что преодоление госсocialизма образует в России конца XX столетия абсолютную необходимость, что с этим преодолением сопряжено высшее благо страны, то разрушение старой системы следует признать глубоко позитивным процессом, дающим надежду выйти из тупика и избежать рестаурационной катастрофы. Но благо здесь оказалось не отделимым от трагедии. Ибо слом политических и идеологических устоев госсocialизма, коль скоро он происходил не после экономических преобразований, а до или одновременно с ними, неотвратимо вел к чрезмерному, чуть ли не катастрофическому ослаблению государственности, что отозвалось разрухой во многих сферах общественной жизни. Похоже, что из тоталитарного социализма того типа и той стадии, какие были характерны для России 80-х годов, не существовало возможности «мягкого» выхода. Сохранение госсocialизма было уже невозможно, он исторически исчерпал себя, но и преодоление его оказалось тягостным и рискованным делом.

Уничтожение власти партийно-государственного аппарата, когда, с одной стороны, экономика еще оставалась нерыночной, а с другой — все институты поддержания общественного порядка были построены так, что могли работать лишь под воздействием этого аппарата, такое уничтожение сказалось на всех системах жизнедеятельности общественного организма. Его функционирование нарушалось на всех уровнях — не только в центре, но и на местах, в любом районе, поселении, на каждом предприятии. Резко понизилась государственная дисциплина, перестали выполняться решения выше-

⁵ Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 76; Там же. 1996. № 2, С. 59.

⁶ Исследование «Советский человек», апрель 1999 г., N=2000.

стоящих органов, ухудшилась собираемость налогов, ослабла безопасность повседневной жизни. Главным проявлением чрезмерного ослабления государственности явился именно распад общественного порядка, в частности замещение его во многих случаях «порядком криминальным».

Первоначально (примерно до 1993 г.) чрезмерная ослабленность государственности была необходимой платой за возможность продолжать отход от госсocialизма и, в общем (сознательно или подсознательно), поддерживалась общественным мнением, поскольку было трудно преодолеть сопротивление исторически отживших партийно-государственных устоев прежней, тотально-бюрократической государственности. Но затем положение изменилось, и восстановление «нормального» уровня государственности (если под ним разуметь не реставрацию прежних порядков, а укрепление институтов, обеспечивающих соблюдение обычных «цивизованных» законов и сохранение обычного общественного порядка) стало острой необходимостью. Более того, сегодня в восстановлении нетоталитарной государственности — ключ к решению всех основных проблем современного российского общества, включая экономические и социальные⁷.

В конце концов, большинство слабостей и пороков либерализации экономики, приватизации и вообще попыток утверждения в России частной собственности, предпринимавшихся в 90-е годы, связано именно со слабостью государства. Его неспособность осуществлять функции контроля и принуждения придало назревшей и необходимой передаче значительной части государственной собственности в частные руки практически стихийный и во многом криминальный, коррупционный характер. Из-за этого оказалось невозможным ограничить аппетиты новых (прежде всего крупных) собственников и сбалансировать их интересы с интересами рядовых тружеников. Проводимые реформы потеряли социальную направленность и не обеспечили мало-мальски приемлемого уровня социальной справедливости.

Все это (вместе с кризисными процессами в народном хозяйстве, которые приобретали характер разрухи во многом также из-за слабости государства, его неспособности мобилизовать ресурсы, необходимые для возрождения экономики или хотя бы ее стабилизации) обусловило разочарование значительных масс населения в самой идее демократического реформирования общества. Поэтому восстановление государственности и вообще порядка в обществе и стране стало основным условием дальнейшего развития России в избранном на рубеже 80-90-х годов направлении, в том числе процессов политической институционализации.

После событий 1991–1993 гг. мобилизующее действие безоглядного, не считающегося с действительностью скачка в демократию потеряло смысл. Наоборот, все яснее стала выступать и ощущаться массовым сознанием деструктивная роль преждевременного разветвления тех демократических институтов, для которых у нас еще не созрели условия. Так, в России еще не пришло время для такого же равноправного функционирования всех ветвей власти — исполнительной власти, парламента, независимого суда, — с той же системой взаимных «сдержек и противовесов», какие сформировались во многих демократических странах на протяжении десятилетий и даже столетий. Со временем последовательное разделение властей станет возможным и у нас,

но пока, в сложившихся условиях, для восстановления государственности и порядка необходимо обеспечение ведущей роли исполнительной власти. Споры нет, ведущая — не значит господствующая. Более того, из временного характера неравенства ветвей власти следует, что преобладающие полномочия исполнительной власти должны постепенно сокращаться. Но сокращаться именно постепенно, достаточно долго сохраняя преимущественное положение (пусть сужающееся) исполнительных органов.

Точно также долговременной целью общественного развития остается достижение гражданских и политических свобод, и соблюдение прав человека в полном объеме. Однако современная ситуация нередко требует определенного ограничения свободы слова, печати, организаций (для фашистов, крайних националистов, террористов и других приверженцев политического насилия), равно как и применения время от времени чрезвычайных мер борьбы с преступностью.

Иначе говоря, приходится отступать до того уровня не вполне развитой демократии, который совместим с нуждами укрепления государственности и правопорядка. Тем более что именно этот уровень отвечает нашим современным реалиям, состоянию политической культуры и нравов. Так, массовые опросы последних двух-трех лет свидетельствуют, что 75–80% взрослого населения России уверены, что сейчас порядок нужен нам больше, чем демократия. (Противоположного взгляда придерживаются 5–10%.) Правда, основная часть россиян, по данным тех же опросов, под порядком понимают отнюдь не диктатуру, а общественную стабильность (35–40%) и соблюдение законов (30–35%). Но, так или иначе, только те институты, которые в какой-то форме учитывают эти настроения, могут рассчитывать на массовое признание и на реальное внедрение в жизнь.

В этом утверждении, однако, таится серьезная угроза. Частичный отход от идеалов полной демократии может превратиться в отказ от демократии вообще, а закономерное в нынешней конкретной ситуации отступление к полудемократическим-полуавторитарным порядкам обернуться возвратом к полному авторитаризму, а то и к реставрации тоталитарного режима. В нашей стране подобная опасность особенно велика.

И у элит, и у масс нет демократического опыта. В народном сознании нынешний хаос нередко отождествляется с демократией, и ему в этом сознании противостоит общественный порядок с авторитарно-патерналистскими чертами. В такой ситуации необходимость несколько усилить государственную власть для восстановления правопорядка может обернуться стремлением властей (при согласии значительной части народных масс) усилить свою роль безгранично, полностью отказавшись от демократии. Действия российского государства в Чечне в 1994–1996 гг., с одной стороны, и поддержка на свободных выборах 1993, 1995, 1996 гг. значительной частью избирателей явно антидемократических сил, с другой, показывают, сколь реальны эти опасения. О том же говорят тенденции к формированию устоев бюрократического и олигархического капитализма в нашей экономике.

И все-таки несомненная опасность возврата к авторитаризму, которую несет в себе необходимое и оправданное отступление от принципов полной, совершенно зрелой демократии, не означает, что такое ее ограничение абсолютно невозможно как этап на длительном историческом пути демократизации. При этом конечно, надо иметь в виду, что полудемократическая эволюция требует проведения весьма сложной политики, связан-

⁷ Гордон Л. Область возможного. М., 1995. С. 31–40.

ной с поиском в каждом общественном действии должной меры полуавторитарности-полудемократии, своих способов использования авторитарных мер без полного уничтожения демократии. Тем не менее, опыт других стран (скажем, Мексики 30-60-х годов) и, самое главное, наш собственный опыт последних лет подтверждает принципиальную возможность удержать среднюю линию. В рамках этой *линии* элементы авторитарного одновластия сосуществуют с элементами самостоятельности (пока и в ослабленном, «свернутом» виде) представительной и судебной властей. Сохраняется самый принцип разделения властей, и эта тенденция усиливается по мере восстановления государственности и развития политической культуры. Соблюдаются основы свободы слова и устои прав человека.

Российская исполнительная власть после событий октября 1993 г. существенно усилила свои реальные позиции в обществе и формально закрепленные в принятой тогда Конституции дополнительные полномочия. Но она не использовала их для уничтожения представительной власти; напротив, с тех пор неоднократно проводились выборы, порой приносившие успех оппозиционным ей силам. Точно так же, начав в 1994 г. бессмысленную в сложившейся тогда ситуации войну в Чечне, власть поставила под угрозу самое возможное хотя бы постепенной рыночно-демократической эволюции. Но та же исполнительная власть восприняла реальности чеченского сопротивления и давления общественности и нашла в себе силы в 1996 г. прекратить военные действия, которые в то время становились все менее успешными, приобретая все более авантюрную и угрожающую росткам демократии направленность.

Пожалуй, можно даже сказать, что власть извлекла из чеченской войны 1994—1996 гг. определенные уроки проведения средней линии. Во всяком случае, в труднейшей обстановке 1999 г., когда борьба с терроризмом сделала необходимыми силовые действия и определенные ограничения гражданских свобод, как раз представители правительства напоминают о важности избегания крайних националистических подозрений и об опасности превращения оправданных чрезвычайных мер в огульную чрезвычайщину, о ненужности всеобщего чрезвычайного положения и т.п. Скорее уж крайности звучат сегодня из уст отдельных депутатов, региональных лидеров, и понятное дело, они вырываются из глоток уличной толпы. Разумеется, пока еще рано делать окончательные выводы (эти строки пишутся в сентябре 1999 г.). Но так или иначе несколько более взвешенный и мудрый подход власти, сравнительно с тем, что было в 1994 г., ощущается сейчас достаточно ясно.

При всем том в российском обществе отнюдь не исчезла опасность сползания на путь по преимуществу авторитарного политического развития. Власти, проводящей полудемократический курс, непросто удержаться в рамках срединно-умеренной политики. Особенно сложно проводить ее в российской экономике, с характерным для нее уровнем коррумпированности, слабостью деловой этики, неразвитостью социально-экономической ответственности. И в российской социальной среде, к достоинствам которой никак не относятся умеренность или **культура** компромисса. Очень многое тут будет зависеть от того, найдутся ли в правящей элите люди, способные избежать соблазна быстрого обогащения и всевластия и достаточно искусные, чтобы удержать тонкое различие между полудемократией и отказом от демократии. Особенно большое политическое искусство нужно, чтобы **анять** полудемократическую линию в политической атмосфере, создаваемой концентрацией огромной власти

у стареющего президента, хотя и многократно доказавшего свое стремление сохранить свободные выборы и свободу слова, но склонного к волюнтаризму, психологически очень авторитарного и в то же время все сильнее поддающегося влиянию временщиков и безответственного окружения.

Разумеется, чтобы такая политика обеспечила уже сейчас (и еще больше в последующем) упрочение демократических тенденций общественного развития, недостаточно одного лишь благоразумия и искусства людей, держащих в своих руках рычаги власти. Важнейшим ее фактором должно быть давление на власть со стороны демократической общественности — независимых политических организаций, социальных и правозащитных движений, демократических профсоюзов, культурных объединений. Сверху донизу.

Немалую роль в поддержании полудемократической эволюции, и в особенности ее демократической составляющей, играют также взаимоотношения нашей страны с внешним миром. Если сближение и союз со странами, издавна живущими в соответствии с нормами и принципами демократии, упрочивают в российском обществе начала демократии, гуманизма, законности, то изоляция от этих стран и тем более ориентация на сближение с диктаторскими и профашистскими режимами усиливают авторитарно-патерналистскую сторону нашей культуры. Повышенная активность в косовском конфликте вместо мудрого нейтралитета в этом не слишком касающемся нас деле, а также спровоцированная такой активностью волна национализма и ксенофобии показывают, как легко подобная опасность возникает на практике. В свою очередь, более активное и доброжелательное, чем до сих пор, движение Запада навстречу России, отказ от использования нашей временной слабости в своекорыстных интересах могут стать существенным фактором, помогающим российскому обществу избежать нового срыва демократической модернизации.

Взаимосвязь политической и социальной демократии. Права человека как возможная идеология демократизации. Анализ социального контекста высвечивает еще одну особенность становления демократии в современной России. Эта особенность заключается в том, что политическая демократизация у нас может быть успешной лишь при условии, что она органически сольется с формированием институтов социальной демократии и социальной защиты, с самого начала будет развиваться как единая социально-политическая демократия. Этим мы отличаемся от стран Запада, где складывание и развитие устоев политической демократии, в общем, предшествовали росту демократии социальной.

В решающей мере необходимость одновременного развития политической и социальной демократии в России вытекает из того обстоятельства, что процесс демократизации общества происходит у нас в конце XX в. и осуществляет ее народ с высоким уровнем образованности, квалификации, информированности, знакомый (вследствие глобализации и демонстрационного эффекта деятельности СМИ) с условиями жизни в наиболее развитых странах. Его материальные и культурные запросы принципиально не отличаются от потребностей, сложившихся у населения наиболее развитых стран. Удовлетворить такие потребности не могло то общество, чьи материальное и духовное производство, культура, механизмы распределения оставались скованными государственно-социалистическим строем. В конечном счете, именно это явилось тем фундаментальным социальным противоречием, которое обусловило крушение советского уклада общественной жизни. Но массовые потреб-

ности не может удовлетворить и переходное общество, возникающее на развалинах госсocialистической системы. Как уже говорилось выше, формирование новых общественных порядков и институтов, новой экономики и соответствующей (более высокой) производительности разворачивается в масштабах генерационного времени, соизмеримых с жизнью поколений. На протяжении этого переходного времени общественная жизнь и в особенности благосостояние народного большинства приобретают глубоко противоречивый характер. Одни группы населения выигрывают от происходящих перемен, другие проигрывают. Более того, у одних и тех же людей одни условия жизни и элементы благосостояния улучшаются, другие ухудшаются.

Во многих отношениях негативные следствия разрушения старой системы пока что перевешивают позитивные результаты устранения прежних тормозов и постепенного вызревания рыночно-демократических механизмов регулирования общественной жизни. Именно такое кризисное состояние, когда ухудшение условий жизни превалирует над позитивными переменами в жизненной обстановке больших масс людей, переживает наше общество. Между тем в нем уже сложились потребности индустриально-урбанистического типа, а население в своем большинстве привыкло к развернутой системе социального обеспечения, всеобщим пенсиям, бесплатным образованию и здравоохранению, почти бесплатному жилью, льготной рекреации; оно рассматривает их как свои законные социальные права. В сущности, сегодня Россия представляет страну со слабо развитой индустриальной экономикой и населением, у которого сформировалась привычка жить в условиях очень развитого, чуть ли не постиндустриального социального обслуживания. Такому обществу особенно трудно выносить тяготы переходного кризиса тем более что преобладание ухудшающихся тенденций в условиях и уровне повседневной жизни продолжается у нас уже многие годы (по крайней мере, с рубежа 80–90-х годов).

Даже если оставить в стороне преувеличения катастрофной демагогии, очевидно, что к концу 90-х годов благосостояние основной массы населения снизилось по многим характеристикам в 1,5–2 раза сравнительно с уровнем конца предшествующего десятилетия, фактически до показателей 60–70-х годов⁸. Поэтому преодоление тенденций обеднения, социальная защита и социальная помощь беднеющему большинству, вообще отстаивание социальных прав народа превратились в центральную проблему политики.

В этом смысле стимулирование развития профсоюзов, потребительских объединений, частных и общественных систем социального обслуживания, совершенствование трудового и социального законодательства, развертывание государственных и негосударственных систем службы занятости, поддержка институтов социальной защиты в целом имеют для процесса демократизации столь же большое значение, как и утверждение гражданско-политических свобод, демократических органов власти, народного представительства в разнообразных его формах, развитие правосознания и всех других собственно политических институтов. Ведь точно так же, как невозможно осуществлять продвижение к рынку в условиях полного подавления демократии (на

определенных этапах возможно лишь некоторое ее ограничение), в нашей стране и в наше время недопустимо чрезмерно глубокое или чрезмерно продолжительное ущемление социальных прав народного большинства.

К тому же развитие социальных прав в сегодняшней России существенно не только потому, что оно, снижая опасность аномии или социального взрыва, создает возможность дальнейшей демократизации. В некоторых отношениях их развитие оказывается даже не условием этого процесса, но его движущей силой, ядром демократической институционализации. Последовательная реализация социальных прав может стать в нашей стране одним из самых эффективных средств формирования идеологии социально ответственного рынка, социальной демократии, социального государства⁹.

Важно иметь в виду, что идеи социальной справедливости и социальной защиты, при всей их громадной значимости, коль скоро они пропагандируются или тем более реализуются сами по себе, да еще в качестве высших ценностей, легко оборачиваются идеологией тотального отрицания свободы. Сначала отрицаются экономические свободы и частная собственность как противоречащие социальной справедливости и не дающие возможности осуществить социальную защиту, а затем подавляются и все остальные свободы — политические, культурные, духовные, — поскольку оказывается, что без отказа от них нельзя уничтожить частную собственность и добиться хотя бы формального (внешнего) социального равенства.

Совершенно иначе обстоит дело, если ценности социальной справедливости, равенства, социальной защищенности получают общественное признание наряду с другими неотъемлемыми человеческими правами, в рамках целостной системы прав человека. При этом конечно же, максимальное осуществление одних прав ограничивает другие. Так, абсолютное социальное равенство делает невозможным абсолютно свободное использование способностей, абсолютную свободу труда или обладание собственностью. И наоборот. Но именно в рамках подобных взаимных противоречий и ограничений уменьшается опасность превращения идей социальной справедливости и социального равенства в идеологию тотальной несвободы. Напротив, появляется возможность формирования на их основе идеологии, в которой признание ответственности общества и государства за социальное положение каждого гражданина сочетается с признанием общественной и государственной ответственности за сохранение политической, экономической, культурной свободы. А сознание обязанности государства обеспечивать право каждого на достойный уровень жизни и социальную справедливость не перерастает в представление о допустимости уничтожения частной собственности и целесообразности всеобъемлющего подчинения общества государству.

Признание большой роли социальных прав и связанной с ними идеологии будет способствовать утверждению демократической стабильности в России также потому, что оно делает более реальной перспективу относительно плавного перехода от государственного и частнопредпринимательского патернализма к ответственному, демократическому социальному партнерству. Традиции покровительства, упования на социальную заботу со

⁸ Официальные материалы, рисующие снижение жизненного уровня, приводятся в ежегодных выпусках «Российского статистического ежегодника», статистического справочника «Россия в цифрах», специального сборника «Социальное положение и уровень жизни в России».

⁹ Сборник докладов региональных правозащитных организаций о положении с правами человека в субъектах Российской Федерации. М., 1999. Т. 1. С. 35–43. (Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений.)

стороны государства и хозяйственного руководства очень прочны в российском массовом сознании, в практике трудовых и более широких социальных отношений. В подобной *ситуации* маловероятна простая и «мирная», без социальных коллизий, замена патернализма принципиально иной системой, в которой господствует идеология разведения интересов разных групп и нахождения решений на основе открытой взаимной «торговли» и компромисса интересов.

Гораздо больше надежд сохранить социальное спокойствие или хотя бы избежать чрезмерных потрясений дает постепенное движение от патерналистского мироощущения к соединению чисто классового и профессионального сознания с более общей идеологией социально-экономических прав человека. При этом очень медленный и тяжелый процесс формирования совершенно непривычного для нас, крайне противоречивого взгляда на социальное отношение как на область ответственности и столкновения преимущественно частных интересов дополняется и облегчается соединением его (этого взгляда) с представлениями об общепризнанных социально-экономических правах и социальной справедливости, поддерживаемых авторитетом государства и социума в целом.

Проблема социальных прав представляется весьма важной еще в одном отношении. Дело в том, что повторение в России обычной, т.е. пройденной Западом, последовательности — от освоения фундаментальных гражданско-политических прав к последующему утверждению системы прав экономических, социальных, культурных — заняло бы (как это и было в Западной Европе и Северной Америке) время нескольких столетий, т.е. период более продолжительный, чем отпущен нам историей. В такой ситуации лучшие перспективы сулит иная последовательность, а именно: стимулирование с самого начала одновременного развития системы как гражданско-политических, так и социально-экономических прав. Может быть, даже с особым упором на эти последние.

Рядовой человек сталкивается с социально-экономическими проблемами, с конфликтами трудовых отношений и противоречиями благосостояния повседневно. Он отчетливо понимает их непосредственное содержание и насущную значимость. Соответственно, в таких условиях легче перейти от ощущений конкретного случая к осознанию общеправовых принципов. В свою очередь, укоренение социально-экономических прав в массовом сознании является основой для последующего освоения гражданско-политических прав.

К тому же, если традиции гражданско-политических прав личности в российской культуре относительно слабы, то традиции социальных прав и социальной защиты в ней как раз прочны и общепризнанны. Так, судя по материалам специального обследования, проведенного в 1994 г. сотрудниками Института государства и права РАН, упомянутые в Конституции Российской Федерации социально-экономические гарантии рассматривают в качестве первоочередных от 70 до 90% опрошенных, тогда как многие гражданско-политические права считают таковыми заметно меньшая их доля — от 20 до 60%.¹⁰ Не исключено, таким образом, что в России социально-экономические права могут стать своеобразным спусковым механизмом и ускорителем массового распространения идеологии прав человека и правосознания в целом.

¹⁰ Михайловская И., Кузьминский Е., Мазев Ю. Права человека в массовом сознании. М., 1995. С. 25.

Ричард Т. КУРТИН

Структура доверия потребителей: сравнение Соединенных Штатов и России

Введение. Отличаются ли показатели, лежащие в основе структуры доверия потребителей, в США и в России? Ответ на этот вопрос можно найти в результатах сравнительных анализов различного типа. При первом рассматриваются межэлементные корреляции различных показателей, которые используются для определения индекса потребительских настроений (ИПН). При втором — изменения относительной частоты оптимистических и пессимистических ответов в различных демографических и экономических группах. Ввиду различного функционирования экономики Соединенных Штатов и России уровни доверия потребителей в этих странах значительно отличаются друг от друга. Но в анализе основной акцент ставится не на различиях общих средних уровней доверия, а на вариациях, касающихся отдельных аспектов этих средних величин в США и России.

Анализ межэлементных корреляций даст возможность провести многообразные сопоставления характера структуры доверия американских и российских потребителей. ИПН, формирующийся на основании ответов на пять вопросов обследования, является суммарным показателем. Для установления возможности объяснения корреляций между этими вопросами и наличием единого общего латентного фактора используется факторный анализ. Нагрузка каждой из переменных на общие факторы дает оценку этой переменной как слагаемого общего признака (в частности, возведенные в квадрат нагрузки переменных являются оценкой их общности с основным признаком, а сумма возведенных в квадрат нагрузок переменных представляет собой оценку дисперсии).

Гипотеза о наличии идентичной факторной структуры в США и России опирается на два условия. Во-первых, организационные структуры, лежащие в основе экономики обеих стран, должны быть подобны, по крайней мере, в тех аспектах, которые отражены в пяти частных вопросах. Во-вторых, количество и доступность экономической информации и использование людьми этой информации для формирования экономических ожиданий должны быть одинаковыми в обеих странах. Поскольку, что представляется очевидным, наличие этих условий по меньшей мере сомнительно, можно предположить, что правомерна обратная гипотеза: что различия в экономических структурах и доступности информации в США и в России приведут к явно различным детерминантам доверия потребителей. Однако данные, получаемые в результате опросов потребителей, ее не подтверждают. Факторные структуры, хотя и не являются идентичными, имеют между собой больше общего, чем можно было предполагать. Частично это объясняется тем, что задаваемые потребителям вопросы в целом достаточно общи и нацелены на выявление взаимосвязи между материальным положением индивида и текущей экономической конъюнктурой в стране. Кроме того, несмотря на различия в количестве и качестве официальной информации, люди могут достаточно эффективно пользоваться и другими ее источниками.

Особо следует остановиться на проблеме адекватности отражения в общем индексе ИПН основных изменений в составляющих его показателях. Индекс потребительских настроений, сформированный для выявления тенденций в структуре доверия потребителей США,